

Ю р и й О л е ш а

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ПОЦЕЛУЕ

Над каждой ложей между двумя лепными амурами висел матовый фонарь, похожий на дорожную писанку. В красной темноте ложи стояли молодые люди в черных смокингах с блестящими отворотами и старики с розовыми лысынами, напоминавшие пуделей. Над барельефами, украшенными облупившейся позолотой, оперев локти о малиновую обивку барьера, сидели дамы, и плечи у них были оголенные и красивые, а тальи схвачены легкими тканями или темным мягким бархатом. При каждом повороте головы или движении руки то на шее, среди кружев, в узком мысе холодного тела, то на пальцах, то в ушах под тяжелыми волосами — загорались разноцветные огоньки, вытягивая длинные острые лучики. В бинокль, в малиновом овале, были видны их лица с глазами, сиявшими голубым блеском и необычно длинными от глубокой синевы, с алыми губами, говорящими что-то неслышное, что слилось в ровный, журчащий, неумолкающий шум, с биноклями, поднесенными к лицу, в тонких пальцах с блестящими ногтями. В партере, похожем на раскрытую коробку конфет, веяли воздушные платья, склонялись плоские проборы кавалеров, маячили ослепительные манишки, золотые погоны и оскаленные воротники, затягивавшие, как петли, чахлые шеи стариков.

Над двумя многостворчатыми дверьми горели немигающим светом красные фонари, похожие на лампочки, при которых проявляют снимки, а у косяков стояли в аккуратных бачках, как будто загримированные, капельдинеры в красных с синим ливреях с золотыми позументами. Занавес с Русланом, разящим страшную голову, казался сделанным из тяжелой желтой парчи, и на большую раковину была похожа суфлерская будка. Погас свет, зазвенел звонок сразу в трех местах, отдавшись чистым переливом под какими-то невидимыми сводами, и низ занавеса осветился ярко от вспыхнувшей ramпы, в то время как верхняя его часть осталась в лиловом полумраке. В пролеты дверей, внезапно ставшие темными, торопясь проходили запоздавшие, чуть усилился шелест платьев и шарканье ног, и вдруг все сразу насторожилось, только в одной ложе кто-то прошел в двери, бросив

обрывок желтого света, отчего блеснуло зеркало в темноте, и гулко ударив дверью.

Неожиданно появившиеся музыканты, совсем маленькие внизу, заиграли, когда маэстро взмахнул, как игрушечный, руками. Скрипачи, сидя в ряд и склонив в одну сторону головы над скрипками, упершимися в белые платки под их подбородками, одновременно размахивали локтями, вытягивая тонкие, похожие на золотые дрожащие рапиры, ноты. В это время через вестибюль, где была лестница, покрытая пурпурным ковром, с балюстрадой из мрамора такого цвета, как кофе, прошел в двери, ведущие в зрительный зал, золотоволосый юноша, одетый в черное. Стараясь ступать тише, он пробрался к своему месту в близком ряду и сел. Перед собой он увидел спину седой дамы, а рядом молодую девушку, которая смотрела в бинокль, держа близко от золотоволосого юноши голый локоть.

Струился приятный аромат, получившийся оттого, что смешались все запахи духов с запахом старой материи, которым тянуло со сцены. Золотоволосый юноша чувствовал себя хорошо и оттого, что, взглянув мимоходом в вестибюле в зеркало, которое шло до потолка, вправленное в барельеф между двумя рядами электрических ламп, он нашел, что сегодня он бледен, и что это очень идет к его золотым волосам, и от присутствия нарядной публики и красивых женщин, и от приятного вкуса ликерной конфеты, который остался во рту, хотя съел он ее еще после обеда, стянув у сестры Зои. Девушка, сидевшая в кресле рядом, через несколько минут после того, как он сел, отняла бинокль от лица и посмотрела на него блестящими веселыми глазами. От движения головы метнулись и заблестели сережки, и нельзя было узнать, что блесло больше: сережки или глаза.

Золотоволосый юноша заметил, что ей захотелось улыбнуться, потому что, вероятно, она тоже себя чувствовала хорошо. Потом, до конца акта, она глядела в свой бинокль, слегка склонившись влево и положив одну руку на поручень кресла.

II

Окончился акт. Артисты, трое, держась за руки, выходили раскланиваясь перед чуть оттянутой створкой занавеса, и теперь оттого, что был опущен желтый занавес и горела рампа, неприятно был

заметен их грим, и белки глаз казались совсем голубыми. Зажглись опять фонари над ложами и люстра, вверху, на страшной высоте, оранжевыми жемчужинами, похожая на повернутую книзу шапочку сказочного пажа. Золотоволосый юноша встал, чтобы дать проход девушке, сидевшей рядом.

Она, извинившись, прошла близко возле него, повеяв духами и чуть задев его руку холодным браслетом, на котором звенела цепочка. Он повернулся к сцене и, оглядывая публику, увидел во втором ряду сидящую к нему спиной даму. От шеи, широкий сначала и постепенно суживающийся книзу вырез в черном блестящем шелке обнажал ее плечи. Она сидела, поднеся обнаженную руку к подбородку и немного подавшись вперед, отчего между лопаток легла у нее мягкая складка, и шелк неумовимо красивыми линиями сбегал к ее коленям. Золотоволосый юноша подошел ближе и увидел, что волосы у нее были того красивого оттенка, который бывает у светлых шатенок, а плечи такого цвета, как страница старого молитвенника. И эти плечи заполнили все его сознание, как будто он видел их всегда и только не знал, что это они, как будто то, чего бы он когда-либо захотел, как самого ценного во всем мире, это была бы именно возможность поцеловать эти плечи в вырезе черного блестящего шелка. Он даже поднес руку к лицу.

«Я поцелую ее плечо, да, поцелую». Он прошел к барьеру, отгораживавшему оркестр, посмотрел на виолончелиста, который ел мятные лепешки, повернул и лицом к публике пошел по проходу, чтобы увидеть ее спереди. Он увидел ее лицо и кольца, отяжелившие ее пальцы, которые она держала у подбородка. Коричневые глаза, слегка оттененные, взглянули на него. И прежде, чем глаза их встретились, он успел заметить, что рот у нее был большой и очень красный, а волосы слегка завиты.

«Я ей нравлюсь», — подумал он. Она, не отводя взгляда, как ему показалось, расширила глаза, немного откинулась назад, и губы у нее шевельнулись, сдержав ласковую улыбку. Это было делом одной минуты. Уже проходя мимо, он увидел ее обнаженную руку в коротком рукавчике, веснушчатое лицо и жидкий пробор господина, который сидел с ней рядом, но, видимо, не был с ней знаком. Золотоволосый юноша пошел дальше между рядами по коврику, заглушавшему шаги.

«Поцелую ее в плечо! А что будет?.. Воображаю. И все равно. Это интересно». Дрожь от головы к ногам прошла по нему, и ему припомнились те сны, которые снились ему в детстве, и когда, видя сон,

он знал, что это сон, и не боясь, делал все, что ему хотелось. Он принял такое положение, чтобы видеть ее. Она сидела уже иначе, и он решил, что она, вероятно, повернулась, ища его глазами, покамест он шел к своему месту. Теперь немного был виден ее профиль, и издали, от освещения, была заметна влажность ее рта. «Да», — решил золотоволосый юноша. Трехтонно зазвенел звонок, и погасли оранжевые жемчужины, только матовые фонари над ложами еще горели. Ряды пополнялись. Опять ему пришлось встать, чтобы пропустить свою соседку. Она прошла, чуть склоняя голову и приподняв согнутую руку, чтобы не задеть его браслетом, на котором звенела цепочка.

«Ну, что будет! Ничего не будет. Получу пощечину». И чувствуя, как теплые волны хлынули к ногам, сделав их тяжелыми, а сердце заставив ускоренно биться, — он встал, удивив соседку, которая уже пристраивала свой перламутровый бинокль, и медленно пошел к тому ряду, где сидела дама с красивыми плечами. Он увидел чьи-то спины и чей-то висок с рыжеватыми волосами. Потом перед его глазами очень близко и вместе с тем как бы и не тут, а где-то в прошлой жизни, были ее плечи с мягким углублением между лопаток, матовый блеск черного шелка и красноватый огонек, как Сириус, в ее кольце на пальце обнаженной руки, которую она поднесла к голове, чтобы поправить завиток волос.

В то же мгновение стало темно, низ занавеса сделался ярко-желтым с четкой тенью суфлерской будки, и красный Сириус потух, потому что дама опустила руку. Золотоволосый юноша, чувствуя, что на него все ближайšie из зрителей смотрят с удивлением, нагнулся и поцеловал даму в плечо, как раз в том месте, где начиналась шея. Было мгновенное неизъяснимо-приятное ощущение теплоты на губах, которое вызвало такое же мгновенное и ушедшее в глубины души чувство непонятной нежности, такое чувство, будто в нем сосредоточилась вся сила любви, которую он испытывал когда-либо или только будет испытывать.

И пока еще ничего не произошло, в тот мгновенный промежуток мига, пока он смыкал губы, его охватил запах, исходивший от нее и похожий на тот, которым пахло от смятой постели его сестры Зои. Вскочил чей-то жилет, и чьи-то глупые голубые глаза испуганно посмотрели. Кто-то сбоку сказал: «Боже!» Она вздрогнула, двинулась вперед, точно кто-нибудь прикоснулся к плечу куском льда, привстала и повернулась так, что одна ее рука, мягко изогнувшись, осталась на спинке ее кресла, а другая напряженно уперлась в спинку бывшего

напротив кресла. Он почувствовал, что краснеет, и почему-то неловко дернул рукой.

Но потом он увидел, что лицо ее стало другим — из удивленного веселым. Она протянула ему обнаженную руку, чуть согнутую в локте, и, слегка закинув лицо с большим очень алым ртом, сказала и не громко, и не тихо:

— Вы красивый и смелый.

Он пожал ее пальцы.

Она повторила:

— Вы красивый и смелый. Я на это не решилась бы.

— Тише! — сказал кто-то недовольно.

Кто-то засмеялся.

Она еще раз протянула ему руку, и опять у нее губы шевельнулись так, как будто сдержали ласковую улыбку или как будто после поцелуя. Потом она светло улыбнулась. Маэстро взмахнул руками, точно нарисованный на плакате, и оркестр заиграл.

— Идите садитесь, золотоволосый.

Он пошел к своему креслу, сопровождаемый взглядами, и встретила его улыбкой девушка с голыми локтями, сидевшая с ним рядом.

III

В антракте она встала и, мягко ступая и чуть наклонившись вперед, подошла к нему. Прежде чем заговорить, она посмотрела прямо в глаза ему широкими зрачками своих коричневых глаз. Он встал. Она улыбнулась. Золотоволосый юноша видел ее близко: черный блестящий шелк таким же вырезом открывал ее груди, схватывая плотно талью и расходясь к ногам шумящими складками. Покачивались от каждого движения головы завитки волос над висками, и поблескивали, то потухая, то вспыхивая, кольца на руках.

— Это самое оригинальное знакомство, — сказала она.

— Подождите, может быть, сегодня еще кто-нибудь прибегнет к такому способу.

— Это уже будет не оригинально. — После паузы она добавила: — Вы мне нравитесь. У вас удивительные волосы.

Когда спектакль окончился и поднялся шум от закрываемых дверей, от запоздалых хлопков, от слов, от шелеста платий и от того, что

кто-то на галерке звучным баритоном повторял последнюю фразу премьеры, она подошла к нему и, сделав такое движение, точно хотела опереться об его руку, сказала:

— Ну, мой мальчик, вы меня проведете домой.

— А это не страшно?

— После того, что вы сделали, вам нечего уже бояться. Только будьте до конца оригинальны.

В гардеробной, где была толкотня и веселый шум, он помог надеть ей темно-лиловое манто с коричневым меховым воротом, в которое она запахнулась так, что над мехом были видны только ее глаза. На шляпе у нее было белое перо в виде маленьких стрелок. Стрелки дрожали, и тяжелыми складками покачивался низ ее манто.

— Мы пройдем пешком, — сказала она, когда швейцар в длинной до пят ливрее с пятью пелеринками и круглыми, похожими на луны, пуговицами открыл перед ними дверь и в стекле отразились огни и бледное лицо золотоволосого юноши.

— Мы можем поехать.

— Нет. Идем. Смотрите, какая ночь. Возьмите меня под руку.

В небе была луна и огромная галоша над куполом «Проводника». Звенел стеклами, громыхал трамвай, и лошади храпели, выпяливая кровавые глаза. Она ответила ему такой же оригинальностью. Когда они пришли к ней, она угощала его ликером, который горел, как золото, от света лампы в ее будуаре, где все было в желтых, теплых тонах.

Она отдала ему для поцелуев свои плечи и смеялась, когда он целовал их, и черный шелк, и обнаженные руки, и широкими зрачками смотрела на свое и его отражение в зеркале, и ее большой, очень алый рот как будто слегка шевелился.

Потом, когда прошло несколько дней, ему не верилось, что все это было в действительности. Как будто все это выдумал Шопен: и то, что золотоволосый юноша, одетый в черное, поцеловал в театре даму в плечо, и коричневые глаза, и лиловое манто, и прекрасные плечи, и руки цвета страницы старого молитвенника на белых подушках в пене кружев, и большой очень алый рот, целовавший темные глаза золотоволосого юноши.

1918 год

